

## Сначала было добро

Запорожье 1948 года. Что я помню о нём? Жаркое, душное лето. Для меня, мальчишки восьми лет, приехавшего с Урала, лето без дождя, что зима без снега. Поэтому, пожалуй основное воспоминание - жуткая жара. Теперь, через тридцать пять лет, улетевших с тех пор, мне трудно вспомнить подробности, да и не в них дело. Всего несколько эпизодов и самое главное открытие того возраста: вокруг меня люди. Я осознал себя человеком среди людей. Они разные. Отец, тётя Ника, дядя Гриша. Пожалуй с этого лета я почувствовал себя личностью, узнал цену добра и зла, равнодушия и бескорыстия. Это было главным уроком, который состоялся тогда и продолжается всю жизнь.

А началось всё за два года до этого. Как и все дети военного времени, я не отличался крепким здоровьем. Помню, как бабушка приехала однажды, навестить меня на даче.

Наш детсад выехал на лето в Верхнюю Курью. Потом, глава семьи, как многие мои друзья, постоянно вывозил своих туда, снимая один и тот же дом на третьей линии. В Курье так называются улицы, по степени их удалённости от Камы. Но впервые я попал туда пяти лет от роду. Память оставила от того времени два - три воспоминания. Бабушка с лакомством и отец - первое, запомнившиеся свидание с ним, сосновый бор, где я научился играть вполне самостоятельно.

Лакомство - оладьи из картофельных очисток с молоком. Превое осознанное, запомнившееся вкусовое ощущение. Во всяком случае не могу вспомнить ничего похожего, из того, что ел раньше, хотя возможно, что-то было. Бабушка рассказывала потом чего стоило в те, военные годы достать для ребёнка вкусненькое. И, однако, доставала.

Мы с мамой жили вдвоём, отдельно. Бабушка с дедом были против её брака. Раннего, как они считали - в восемнадцать лет. Поэтому она с отцом поселилась в снятой комнате. Вскоре началась война и он уехал в Сведлровск, преподавателем в танковое училище. Деда арестовали. Только тогда мы вернулись к бабушке. Не мне бы рассказывать об этом времени. Что я помню? Очереди за хлебом и мукой. Карточки. Совсем не помню что ели, как одевались. Помню чудо. В садике дали нам по конфете. Это была моя первая конфета. Боже, во что она превратилась, пока я нёс её домой, маме, зажав в кулаке!

Это уже потом, год от года становилось лучше и лучше. В магазинах появилось мясо и, представьте себе, нескольких видов. Да субпродукты: печень, почки, мозги и ноги для холодца. Неужели всё это было и, чем не пошутят наверху, ещё будет?

А в то лето, когда мне было пять, эти оладьи, да ещё с молоком! Ничего вкуснее не помню. Кажется и сейчас съел бы десяток с огромным удовольствием. Особенно если учесть, где я всё это вспоминаю! Хилый ребёнок, переболевший в самом начале жизни страшнейшим дифтеритом, чудом оставшийся жить. Городской заморыш. Окна нашей большой квартиры выходили на север и только два окна - в прихожей и проходной комнате смотрели на юг. Юг на Урале. За окнами каменный мешок двора. У нас, летом всегда было прохладно и сыро. А зимой холодно. Это при том, что в квартире было три хороших "голландских" печки, не считая четвёртой в туалете. Видимо дров не хватало. В прихожей и уборной часто замезала вода в трубах и мама отогревала их кипятком или паяльной лампой.

В школу я пошел в городе, но уже на вторую зиму меня отправили в деревню, к Бабусе. Так у меня стало две бабушки. Бабушка и Бабуся. Кого ты больше любишь, спрашивала Бабуся и я не знал что ответить.

Мама купила козу и сено. Меня должны были отпаивать молоком. В своём классе я был самым хилым. В городском классе. А уж в деревенском! Но если в городе я частенько приносил домой носовой платок красный от крови, то не помню случая, чтобы в деревне меня кто-нибудь обидел. Дед, правда, высек однажды, точно не знаю за что, ну да Бог простит ему это. Наверно по-делу.

Я их не знал раньше, а может знал, да не помнил - родителей отца. Мама была тогда замужем второй раз. У меня появилась сестрёнка. Помню, перед тем, как уйти из дома на несколько дней, она спросила меня, кого хочу - братика или сестричку?

Сестричку! Мы потом часто ссорились. Доставалось мне. От неё и от мамы, как старшему. С возрастом всё встало на свои места, я почувствовал ответственность за неё, научился прощать, стал старшим братом. Вполне возможно, что появление второго ребёнка, стало одной из причин моего деревенского воспитания.

Деревня! Для городского пацана - вольница! Видимо там я привык к свободе. Не было запретов. Там впервые я взял в руки топор, чтоб расколоть полено. Разрубил себе мизинец на правой ноге. Как добрался до дома, а это было в соседском дворе, не знаю, но точно помню, что несчастный палец держал обеими руками, зажимая рану. Молча скакал на одной левой. С тех пор широко ставлю ноги при колке дров.

Там впервые я узнал слова: зерно, сено, сеновал. Научился прыгать с него в кучу сена вниз. Такой видно я везучий - копчиком прямо на комель вил, что забыли под сеном. С тех пор прыгал только в проверенные места, будь то куча снега под крышей дома или речной омут. Кстати и плавать научился в деревне, хотя никто специально не учил. Просто свои же пацаны столкнули в воду и смотрели как выплыву. Тонуть не захотел, выплыл. С тех пор в воде, как на суше. Там впервые заработал свой первый хлеб и с тех пор работа стала потребностью. Много этих "впервые" связано с деревней. Да вот хотя бы та же работа.

Дед и Бабуся - одни из первых связистов Перми. Я узнал об этом совершенно случайно. Однажды, когда их уже не было в живых, я заказывал междугородний разговор с Москвой. Назвал свою фамилию. Телефонистка переспросила, потом выяснила как зовут деда - Николай Ефимович...бабушку - Вера Дмитриевна и прямо зашла от неожиданной радости. Голос собеседницы был молодой, хотя оказалось, что она тоже бабушка, а тогда была ученицей моей, работавшей тоже телефонисткой, дед был, чуть ли не начальником телефонной станции.

В деревне по имени Кукеты, где они жили и куда я прибыл на поправку, дед служил "начальником" почтового отделения. Всё оно состояло из комнаты, разделённой барьером пополам. Дед был один за всех. На почте, прямо напротив входа висел старинный телефонный аппарат, работающий на батареях, стоящих на полочке прямо под ним. Большие батареи. Телефон звенел пронзительным звонком. Его ручку, постоянно крутили. Всё было полно чудес : и этот аппарат, в который надо было обязательно кричать, и сугуч, становившийся вдруг жидким, если его поджигали, и работа, которую мне поручил дед.

Я стал почтальоном. Наша почта - одна на несколько соседних деревенок. Это теперь в каждом доме получают газеты и журналы, слушают радио и не отходят от телевизора. Тогда в деревнях не было электричества, жгли керосиновые лампы, газеты приходили только в правление колхоза и в сельсовет. Так что почтальону приходилось разносить письма: простые, доплатные, это когда получатель сам оплачивал доставку и заказные, когда он должен расписаться в получении или поставить крестик, если не умел. Ходил далеко, километров за пять. Через поле, через лес, за речку. Зимой учился, а летом бегал по деревням с сумкой, которую дед смастерил сам.

Труд оплачивался. Но не деньгами, а хлебом. Пришли мы с дедом в амбар, поставили мешок на весы и нам насыпали туда целую кучу пшеницы. Дед нёс домой заработанное мной зерно. Но и это ещё не всё. Мы поехали на мельницу и я увидел, как из моего зерна получается мука. Попробовал её тёплую ещё, посмотрел как крутятся жернова. И такая она была вкусная, так я был счастлив и горд своим заработком. Близкое к этому чувство пришло ко мне ещё раз, когда принёс с Завода первую получку.

И ещё одно "впервые", помнится мне. Была свадьба. Не в нашем селе, а в одном из тех куда носил письма. Меня знали уже, и возможно в шутку, а может всерьёз, дали ковшик браги. Поднесли. Других напитков и не пили тогда, разве, что самогон. Но его я пить точно не стал бы, а эта - сладкая, да вкусная, да терпкая слегка. Выпил. Понравилось. Дальше крыльца не ушел. Пал и уснул. Очнулся поздно вечером, может даже ночью, они летом светлые. Свадьба пела и гуляла. Как добрался до дома не помню. Может за это меня дед и вздрючил тогда? До сих пор на брагу не могу смотреть без отвращения.

Домик наш, с высокой завалинкой, оббитой досками и для утепления засыпанный опилками, стоял на самом краю деревни. За околицей, мимо черёмух, росших сразу за нашим огородом, дорога уходила полого в гору и от неё, налево, через мосточек,

перекинутый через речку, развилка вела к колхозной ферме. За речушкой, далеко, до леса лежали заливные луга и весной, когда река подступала к нашему огороду, а луга исчезали под ней, Бабуся рассказывала мне байки про русалок, утаскивающих мальчишек в речку. Я ужасно хотел на них посмотреть, но боялся, и близко к берегу не подходил.

Где моя Родина? В городе, где я родился и прожил тридцать три года, или в этой деревушке, где всего два? Ностальгия привела меня туда через пятнадцать лет. Я был уже отцом семейства. Речушка почти высохла, остался просто ручеёк, в котором лодку развернуть невозможно. Домишко покосился и стал совсем маленьким. Но черёмухи остались. Их стало больше, они стали выше и краше. Так же, как и раньше дорога делилась почти сразу за домом, те же два больших тополя росли за огородом у самой речки. Только никак не мог я найти омут в котором научился плавать и кру- тых горok, с которых зимой, катались на санях.

Как и везде, половину дома занимала знаменитая русская печь. Как хорошо было зимой лежать на ней, отогревая закалевшие руки - ноги, слушать завывание ветра в трубе. Смотреть, как суетится в комнате Бабуся, готовит простую деревенскую еду: картошка варёная, да хлеб с молоком. А осенью, в валенках на печке лежали помидоры. В городе я их вообще не видел. Не знал, что это такое. Они не вызревали - не хватало лета. Их снимали зелёными, размером с кулачок и засовывали в валенки. Лежат они на печке и вдруг через пару недель оттуда появляются красавцы. Красные, да сочные! Красота! Вкуснота!

А под крыльцом, за домом, в огороде у меня был свой мир. Игрушками служили: шишки, сучочки, палочки, камешки. Воображение превращало всё это в живых существ. Одна из самых красивых шишек была лошадью председателя. Лучшая лошадь из всех, что я знал. Жаль, не помню по имени. Масти была гнедой, хвост длинный, шея лебединая, ноги стройные, на груди белая отметина. Не помню случая, чтобы хозяин послал её в галоп. Всегда ходкой, ровной рысью, очень спокойно и с величайшим достоинством. Были у меня и другие лошади, рабочие, на которых я пахал и косил, возил поклажу, сам ездил по делам. Всё, что происходило по ту сторону калитки, потом проигрывалось мною за домом. В этих играх у меня не было друзей. И теперь, наблюдая за своим сыном, когда он играет один и что-то бунчит себе под нос, кажется мне, что это я и есть.

Но, однако, с деревенскими мальчишками я дружил. Играли в "чижа". На вбитый в землю колышек, ставился "чиж" - вырезанная из дерева маленькая палочка с пенёчком, чтобы сидела сверху на этом колу. У каждого в руках бита. Это не надо объяснять. Отходим за линию, метрах в десяти и по очереди кидаем, стараясь попасть в колышек. При попадании "чиж" летит пулей далеко вперёд, промахнувшиеся мчатся за битами. Не успеешь с битой назад, сам будешь галить. Так загоняют, не приведи Господи. После таких игр приползали домой грязные, в дорожной пыли, потные, без рук, без ног. Даже есть не хотелось, только пить.

По жаре, купались до одурения. В омуте. Это такое место на реке, кто не знает, где на пути воды встречается большая яма, которую она с радостью заполняет до краёв и, продолжая свой путь уходит дальше. Так вот, мы не столько купались там, сколько прыгали с рабега в воду, старясь перещеголять друг друга красотой, дальностью и высотой полёта.

Через несколько лет мама попросила отчима проверить как я умею плавать, можно-ли разрешить мне ходить на Каму купаться одному. Тогда не было этой прекрасной набережной, вдоль всего берега стояли дебаркадеры, сараи, чалились плоты. Вот на этих - то плотках, мы и купались. От этого "купания" отчим пришел в ужас. Собственно плаванья не было. Да и негде было. За плотами страшно. Широкая, открытая река с довольно сильным течением. А между сплотками, метров по десять - пятнадцать воды, ближе к берегу, течение потише, так что если не зазеваешься и успеешь схватиться за брёвна, под плот не затащит. Тут главное, после прыжка в воду, быстро наверх, потому что внизу, под плотом, течение сильнее и вода холоднее. Мне сшили, наконец, настоящие плавки, с завязками на боку. Они не сползали при нырянии, как трусы на резинке, которые всё время приходилось придерживать одной рукой

А тогда, на берегу речушки, вдоволь накупавшись, прямо на траве лежали на животах, лицом к костру и нетерпеливо шурудили палками. Картошка! Печёная! Кто её не любит? Курили. Махру, завернутую в газету. Козья ножка называется. Курить я начал рано, тоже впервые в деревне. Бросил в одночасье, почувствовав, что своё выкурил. Не думаю, что тогда курили много. Одна “ножка” на всех. Трубка мира! Потом, когда повзрослев, курил настоящую трубку, любил табак с таким названием.

И ещё качели. Ранней весной, на масленицу вешали их на крытом дворе, на другом конце деревни. Длинная, метра два с половиной, а то и три, доска, на которой умещалось пять - шесть здоровенных мужиков и баб, висела, прикреплённая к центральной балке на четырёх верёвках. Жутко было смотреть, как они качались. Скрипела верёвка, стоял дикий бабий визг, доска становилась вертикально, так, что верхним концом своим почти упиралась в кровлю, верёвка фактически провисала и, казалось все сейчас рухнет из-под высокой крыши двора. Но качели, набирая скорость летели на другую сторону, зависали там на долю секунды, чтобы снова промчаться над двором. А мы в это время успевали перебежать по другой стороне, перед мчащимися на нас качелями. Страшно и весело!

Дед учил собирать грибы. Хорошо помню, как мы брали рыжики. Сколько потом ни старался, не мог повторить его охоты, когда поднимая пласт мха, он обнажал кучу маленьких, с бутылочную пробку размером колонии маленьких солнышек. Зато слово сыроежка было понято мной буквально и колики, от которых валялся по траве, завывая, глядя то в небо, то в землю, готовый ко всему, один в лесу, научили меня обращению с грибами на всю жизнь. При всех вариантах заготовки, всегда, кроме тщательной очистки и промывки, первую воду после закипания выбрасываю, снова промываю и только потом пользую - хоть на засолку, хоть на жарку, даже если это были сушеные, хоть белые.

Но однажды всё кончилось. Сели мы на подводу, положили рядом несколько чемоданов, узлов и поехали на дальнюю станцию, к поезду. Я был в Райцентре зимой. Тогда дорога казалась сказкой. На санях, с бубенцами, с лентами, нас - человек десять, пятнадцать школьников, укутанных в тулупы, повезли в Верещагино на смотр школьной художественной самодеятельности. Совершенно не помню чем я отличился, но что - то делал, раз взяли. Помню большой шумный зал, ярко освещённую сцену, помню как был всем этим ошарашен, что было весело и что на обратном пути все уснули.

На этот раз дорога показалась длинной и скучной, хотя стояла весна. В Москве, куда мы попали через пару дней, снега не было совсем. Тоскливо уезжать навсегда, оставляя дом, но ехали к сыновьям, в Запорожье. Их там было двое и старшим был мой отец.

Помню одну встречу. Он навел меня на даче в Верхней Курье, в то самое лето, когда бабушка угощала меня драниками. Он не привёз ничего. Зато повёл меня на берег Камы. Верхняя Курья прямо напротив Мотовилихи и хорошо виден с правого берега огромный Завод с тёмнокрасными корпусами, высокими трубами. Слышны тяжёлые ритмичные удары, пытение и визг. В этом месте реку разрезал длинный, узкий остров и Завод был как бы за двумя речками. Далеко - далеко, но совсем рядом.

Я бегал по берегу, собирал ракушки, валялся на песчаном берегу, тогда чистом, как пляжи Джемете в Анапе. Вода была тёплая и речные моллюски ползали по дну у самого берега. Отец молча смотрел на меня, на мои игры. Невдалеке был причал и время от времени чалились парходики, приходящие с того берега и снизу, из города.

Если бы меня спросили сейчас, как выглядел отец, я не смог бы ответить. Не помню его лица, никогда не видел фотографий, видимо сильно обидел маму, раз она всё, что напоминало о нём ликвидировала. Однажды пришло письмо. Тогда я учился классе в шестом, может в седьмом. Оно до сих пор хранится у мамы. Дед сначала не хотел мне его, это письмо, показывать, и я понимаю почему. Открыто и достаточно грубо, я бы сказал, с большевистской прямоотой, он призывал порвать с мамой, дедом и бабушкой по той причине, что они - евреи. Теперь мне понятно, в чём дело. В том, по всей вероятности, что как раз тогда была в разгаре компания борьбы с безродными космополитами, набирало обороты дело врачей. Я помню об этом не понаслышке, знаю не с чужих слов. Отвлекусь немного на эту тему.

Как только мне исполнилось четырнадцать, собрав две рекомендации членов партии, из которых одна была нашего преподавателя Сталинской конституции, за обещание сдать его предмет хотя бы на четыре, я пройдя через бюро райкома, стал

комсомольцем. Думаю, что если бы в своё время мама не записала в мой паспорт отцовскую национальность, вряд ли меня приняли, тем более, что вторая рекомендация была от еврея, хоть и фронтовика, инвалида Войны. В нашем классе стало два комсомольца. Это не изменило моего дурного поведения: я по-прежнему курил на каждой перемене и катался сидя на лестничных перилах, как вдруг, грянуло экстренное комсомольское собрание. Обнаружилось, что в нашей школе есть враги народа, безродные космополиты, которые... короче: бритвой был изрезан, не просто повреждён, большой портрет И.В.Сталина. Это было первое моё столкновение с проявлением диссидентства, хотя я так и не мог понять, причём здесь портрет? Первое моё столкновение с политикой.

У деда Коли и бабушки Веры было три сына. Старший - мой отец. Младший - Сергей, жил в нашем городе. Я потом подружился с ним, часто бывал у него дома, мы и жили недалеко друг от друга. Известный в ту пору спортсмен : велосипедист, конькобежец, яхтсмен, он увлёк меня коньками, убедил маму купить велосипед, но как не старался, не удалось уговорить пустить к нему на яхту матросом. Только один раз сходили мы с ним на тот остров, что напротив Мотовилихи. Как я хотел научиться управлять яхтой! В конце концов приобрёл себе простую лодку, но на яхту меня так и не пустили. Мама боялась, что утону. Я очень любил дядю Серёжу. Маленький, миниатюрный даже, подвижный, он и в пятьдесят с лишним выглядел подростком на своей "Яве", в кожаной куртке и шлеме.

Полная противоположность ему - средний сын, Владимир. Хорошо его узнал, когда после девятого класса, последнее своё беззаботное лето, провёл у него. Тридцатитысячник, председатель колхоза на Волыни, направленный туда с одного из запорожских заводов, где до того работал инженером, в колхозе занимал просторный дом с ванной, большим чердаком, ставшим на время моей квартирой, держал гусей, самого хилого из которых звали Ватутинец - по имени колхоза. Да и то верно. Весь колхозный транспорт состоял из одного грузовика ГАЗ - 51. Так что, думаю, много пользы своим руководящим опытом дядя вряд ли принёс. И, однако, жили они там много лет, пока он снова не вернулся на свой завод.

Целыми днями его не было дома, возвращался поздно, ужинали вместе, и вот тут-то начиналось самое интересное, то, что для меня было открытием. Рассаживались, кто где мог. Он, его очень милая и подвижная жена, дети - Лина, Герка и Марина. В большой комнате деревенского дома не было стены, не занятой стеллажами книг. Вечер посвящался какому-нибудь писателю. Помню один, когда он сам читал отрывок из "Морского волка" Джека Лондона. Место было выбрано одно из самых поэтичных. Он читал со вкусом, смакуя текст. Читал так, что невозможно было устоять перед искушением прочесть ещё раз самому. Так я восполнил частично пробелы в образовании, освоив за одно лето порядочный кусок библиотеки.

Сестру свою, двоюродную, его дочь, я помню ещё по нашей деревне, когда она приезжала в гости. Я-то чувствовал себя там хозяином, поскольку жил и зимой. Тонкая, длинноногая, вся в веснушках, хитрая и злая, она в один момент разрушила мой любимый игровой уголок с лошадками и зашвырнула в высоченную крапиву весь мой запас свинца, накопленный с таким трудом - моё самое драгоценное богатство. Бегала она по деревне в оранжевом платье с белыми горохами, водилась со взрослыми парнями, хотя старше меня всего на пару лет. С годами я стал терпимее относиться к людям и к ней, конечно, но всегда мне казалось, что в её глазах сквозит лёгкое пренебрежение, высокомерие. Может только казалось? Муж ей достался - золото, отчего и она стала много лучше. Теперь-то мы просто друзья.

Переезд из деревни в Запорожье так ошеломил меня, что, честно говоря, не запомнилось подробностей: ни приез- да в Москву, ни метро, ни электрички для поездки на пару дней к подмосковным родственникам, ни снова возвращения в Москву и отъезда в Запорожье.

Очнулся я в квартире отца. Был он, оказывается женат, имел двух дочерей. Обе младше меня. Люся и Вера. В комнате стояло пианино. Он играл сам и учил детей. На стене висел бинокль и фотоаппарат. Квартира из двух комнат с балконом на пятом этаже мне показалась очень маленькой, тесной. Не привыкший к высоте, я боялся выйти на балкон. Глядя сейчас на себя их глазами, я понимаю, как дико выглядел. Они просто не

знали что со мной делать. Жена была больна, скоро её положили в больницу и дети остались на попечении Бабуся. Дед жил у другого своего сына, на другом конце города.

Надо сказать, что они - дед и бабушка Вера, были антиподами. Дед - сухой, борода клинышком, шустрый настолько, что когда мы пускались с ним наперегонки по деревне, я не мог за ним угнаться. Небольшого росточка \я видимо в него\ он мог пить кипяток прямо из горлышка чайника. Я так не могу, но подостывший чай называю - мочай.

В противоположность ему, Бабуся - осаниста, дородна, спокойна и улыбчива. Отца я почти не видел, он целыми днями пропадал на заводе. Насколько теперь понимаю, на "Запо-рожстали". Похоже был на партийной работе. Или мне это так кажется, не знаю.

Предоставленный самому себе, я целыми днями носился по улицам, играл с местными пацанами в "банки" - разновидность "чижа", только вместо колышка и самого "чижа" была пустая консервная банка, а вместо биты - длинный прут из толстой стальной проволоки с ручкой, чтоб удобно было бросать. Ходил купаться на Днепр. Плотина тогда была уже восстановлена, во всяком случае, когда меня повезли на правый берег в пионерлагерь, мой первый лагерь, автобусы ехали по плотине "Днепрогеса". Курил. Собирал "бычки"- недокурные папиросы, вытряхивал из них табак и крутил самокрутки.

Самым острым моим впечатлением остался Цирк. До сих пор не могу понять : было то наяву, или приснилось, или отложился в памяти известный фильм, который я там посмотрел, возможно. Но как сейчас вижу: огромный шатёр шапито, музыка, акробаты, но самое главное - борцы. Борьба! Не могу поверить, что этот цирковой анахронизм сохранился до конца сороковых. Вспоминая то время, как живых вижу борцов с лентами через плечо, выходящих на "Парад - Алле" и их схватки на арене. Борьба стала моим любимейшим видом спорта. Боролись и мы, все по очереди друг с другом, по всем правилам циркового искусства. Частенько приходилось лежать на лопатках, зато как счастливы были мгновения победы.

Город был полуразрушен. Тут и там стояли, ещё не снесённые и не восстановленные остовы сожжённых зданий, с пустыми проёмами вместо окон, снаружи и изнутри заросшие высокой, сорной травой. Здесь мы и играли. Чаще всего в войну. Знали что где-то, в одном из домов, живут почитаемые нами, совбодные люди - воры, про которых ни в коем случае нельзя рассказывать взрослым.

Ездил к родственникам. Трамвай шел через весь город, мимо зоопарка, туда, к новострою, где в одном из домов, на первом этаже жил у своего среднего сына дед. Садился на подножку, свешивал ноги, так, что они подминали проносящуюся траву, для разнообразия вставал на "колбасу" - буфер, торчащий из последнего вагона. Трамвай шел долго. Меня отмывали, кормили, иногда оставляли ночевать.

И был пионерлагерь. Потом каждое лето, одну - две смены проводил в лагерях, но этот был первым и, как я теперь понимаю, мало чем отличался от остальных, кроме одного, но о том, если успею, отдельно. А здесь мы купались в Днепре, ловили ящериц на песке, жарились на солнце, пели пионерские песни. Было хорошо, но ничего не запомнилось. Разве то, как самый маленький ростом и самый младший из нас, стоял на самом краю и по утрам его записанные простынки вывешивались на всеобщее обозрение. Конечно же это был я и постель была моя.

Снова город, снова предоставлен самому себе, делаю что хочу, хожу куда хочу, снова могу курить. Совершенно не помню лиц сестрёнок, отца, его жены. Хоть бы уж выпороли разок, может тогда запомнил. А так никакого до меня никому нет дела. Правда, обещали бинокль и фотоаппарат, если останусь жить у отца, но когда до школы оставалось недели две, а может меньше, отвезли бедолагу на вокзал, дед договорился с проводницей, что за десятку довезёт, и поезд покатил в Москву. С тех пор в Запорожье я не бывал.

В Москве надо было добраться до родственников, где мы останавливались на первом пути. Для этого пришлось на метро с пересадкой переехать на другой вокзал, сесть в нужную электричку, выйти на нужной станции и через лесок - к посёлку, ну а там... Короче, я это сделал, хотя не знал ни адреса, ни фамилии. Не заблудился, нашел безошибочно, как кошка, может потому, что кот по гороскопу? Интересно, а им дали телеграмму, чтобы встретили мальчишку восьми лет? Стою перед нарядным домиком с пышным полисадником. Меня узнают, хотя прошло уже сто дней, после первого визита, ахают, удивляются, как сумел разыскать, зовут в дом.

Вот тут-то, вместо того, чтобы зайти, вымыться с дороги, сесть за стол, перекусить, если предложат, я показал ноги и сказал, что войду только после того, как они будут знать, что я болен. А ноги мои, после бурной жизни в Запорожье, были в жутком виде. Видимо, когда таскался по тамошним болотам и лужам, пристала какая-то зараза. Где там болота, где нашел лужи? Помню, что лазал, увязая ногами в грязи, ходить было тяжело, чуть не утоп, но мне нравились такие трудности. Как там относились к моим язвам, я не помню, но в дороге чулочки приросли к ногам. Их невозможно было снять и боль была едва терпимой. Хоть не плакал, но было противно и тоскливо. Почему-то уверенный, что болезнь заразная, не хотел идти в дом, не предупредив хозяев. Было утро, день только начинался.

В дом меня не пригласили и почти до самого вечера пришлось сидеть на скамейке у полисадника, ожидая невесты чего. А в это время, как мне стало известно спустя годы, происходили следующие события.

Милые родственники отправили маме телеграмму примерно следующего содержания: тут мол, на скамейке перед домом сидит твой больной сын, что с ним делать не знаем, приезжай и забирай. Пустить в дом не можем, поскольку заразный.

С самолётами тогда было туго. Это теперь до Москвы можно добраться за несколько часов от самых от окраин. Родственников у нас там не было. Не было никого, кто смог бы помочь ребёнку. Представляю себе её состояние Я, точно сошёл бы с ума.

И тут бабушка вспомнила, что у деда есть в Москве какие-то дальние - предальные родственники. Так, седьмая вода на киселе. Дед уже несколько лет сидел в лагерях "за связь с заграницей" и было неизвестно, как отнесутся к внуку врага народа те, кто деда и в глаза не видел. А если и видел, то много лет назад, ещё до войны, до моего рождения. Но это был единственный вариант. Других не было. Стало уже смеркаться, когда к дому, который я караулил с утра, подошел маленького роста, круглый человечек с совершенно лысой головой, с очками на носу. Показав телеграмму от мамы, он увёз меня с собой.

Пока мы добирались до его дачи, а это снова через Москву, с другого вокзала - наступила ночь. Я падал от усталости. Надо было видеть глаза тёти Ники - его жены. Высокая, худая, седые волосы с прямым пробором, она была сама доброта. Столько участия и заботы не перпадало мне за всю предыдущую жизнь. Стоя передо мной на коленях, она поливала ноги в чулках тёплой водой и осторожно отделяла одно от другого. Было больно, но так невыносимо приятно ощущать заботу и принимать помощь от неизвестных тебе людей, о существовании которых ещё пару часов назад не подозревал, что даже стонать не мог себе позволить.

Наконец чулки были сняты, ноги промыты каким-то желтоватым раствором, язвы смазаны мазью и перебинтованы. Весь, с головы до ног умытый, переодетый во что-то чистое и большое, я был накормлен и уложен спать. Лежал на диване, на чистой простыне. Уютно, тихо, надёжно кругом. Я улыбался про себя в темноте и был счастлив. Впервые в жизни понимая, что счастлив.

Утро было как в сказке. В таких случаях принято описывать пейзаж. У профессионалов, писателей, пишущих для заработка, я с удовольствием читаю такие места не переставая радоваться умению и ловкости с которой они передают чувства героя. Но сам не хочу этого делать, не в силах передать это утро. Если у вас была возможность родиться второй раз, и не только оболочкой, телом, но и душой, тогда и без описания природы, поймёте неземное блаженство девятилетнего пацана, чудом, незаслуженно попавшего в рай. Столько заботы, сколько отпущено мне - невероятно.

Первым делом перевязка. Потом умывание на улице, где под огромной яблоней стоял умывальник, видимо ставший прототипом Мойдодыра. Вкусный завтрак. Я никогда не ел еду такого класса. Никогда не замечал что ем, не акцентировался на вкусе, тем более, что после перенесённого дифтерита, напрочь лишен обоняния. Но тут был потрясён. Даже не знал названия того, что ем, не помню вкуса, но что был ошарашен, помню.

Дача представляла собой огромный старый дом с мезонином, стоящий посреди четырёх, разделённых заборчиками участков, каждый из которых имел свой выход на улицу : два на одну и два на другую. Сосны шумели вверху далёкими кронами, как верхнекурьинский бор. Кусты смородины и малины росли вдоль забора. Несколько фруктовых деревьев, больших, увешанных яблоками так, что многие ветки были

подпёрты специальными рогульками, стояли на участке тут и там. В одном месте, укрытый специальной будочкой, спрятался ручной насос. Оттуда качали воду необычайной вкусноты. А если пройти немножко дальше по дорожке с электрички, можно выйти к небольшой, но очень красивой и чистенькой речке, где вполне можно было купаться, будь у меня здоровые ноги.

Моим новым родственникам - покровителям, принадлежала в этом доме одна, правда не маленькая комната и недостроенная ещё, веранда, кое-где застеклённая. Был и подвал, куда тётя Ника лазала за вареньем для меня. Комнату разделяла пополам большая, красивая ширма, за которой стояла широкая хозяйская кровать. Большой, круглый стол, диван, на котором я спал, кресло и несколько стульев, составляли интерьер. Убранство более чем скромное, по сегодняшним меркам, показалось мне царским.

Дядя Гриша, когда найдёныш ещё спал, уехал в Москву на работу и мы остались вдвоём. Я наслаждался прохладой и не мог надышаться. После запорожской жары, дымного городского воздуха, отупляющей боли в ногах, которая исчезла, вдруг, теперь я чувствовал себя, как у нас говорят - новым человеком. И в то же время, пространство, ограниченное заборами, давило меня. Я привык к полной свободе передвижения. Хотелось куда-то бежать, что-то делать, а тут - всё чинно, ладно, аккуратно. Чувствую сам, что много чего нельзя, что есть запреты о которых, впрочем ничего не сказано.

Тётя Ника поросила меня помочь ей сделать грядку. В деревне мне приходилось вместе с Бабусей ковыряться в земле на огороде. Копал картошку, хрен, дёргал репу, но такого не умел. Не знал, что грядка должна быть ровной и по ширине, и по высоте, по длине и даже по структуре земли. Первую мы делали вместе и я не придавал значения этим тонкостям. Вторую пришлось копать самостоятельно. Трижды возвращался к началу пути над этой, примерно метр на три грядкой, пока сам не увидел, что наконец получилось то, что надо. До сих пор стоит перед глазами клочёк земли, в который ушло столько моего пота.

Вскоре хозяйка куда-то ненадолго ушла, оставив меня одного. Тут же неведомая сила забросила ребёнка на яблоню. Яблоки были красивые, спелые, но почему-то горчили. Нарвав с десятка за пазуху штуки три съел сразу, спрятав остальные, пока не застучала тётя Ника.

Вечером понесло. Бедная, чистейшая уборная, стоявшая в стороне от дома. Там не было даже ямы. Из стульчака выдвигался аккуратный ящичек, как из письменного стола, но с песочком, как для кошечки. Чистота неопишная. До меня. Боже, во что всё это превратилось! Думаю, никакой свинье не удавалось так нашкодить. Мне было стыдно до слёз, но я просто не умел всем этим пользоваться так, чтобы и после меня всё оставалось таким же чистым. Очень скоро дядя Гриша понял в чём тут дело. Яблоня была опрыскана каким-то раствором и гость вдобавок ко всему ещё и отравился.

Снова меня надо было спасать. Снова вокруг суетились старики, промывали желудок, поили молоком, давали таблетки. Но теперь счастья не было. Был жгучий стыд перед этими людьми, которые даже не попрекнули за воровство, просто поставили на стол, поближе ко мне вазу с чисто вымытыми яблоками и сказали, что могу есть сколько хочу. но не с дерева, а из вазы.

Около недели жил я, как у Христа за пазухой. Язвы зарубцевались и ноги снова стали ногами. Дядя Гриша оказался фармацевтом. Он сам приготовил мазь, так что если и было чудо выздоровления, то скорее из области фармации, чем сверхъестественного происхождения. Мне разрешили бегать по посёлку, взяв слово, что буду приходить на обед сразу, как позовут, так что играл неподалёку, чтобы услышать. Ужасно стыдно было за ворованные яблоки и загаженную уборную. Из всех сил старался быть аккуратным и внимательным. Только вот руки постоянно забывал мыть. Приходилось для этого вылезать из-за стола.

Вскоре прехала мама. Не виделась целую вечность, с прошлой осени. Ребёнок за это время вырос, стал неузнаваем и хорошо воспитан.

Мы возвращались домой, но там всё ещё не было деда. Я тогда не знал даже, что у меня есть ещё один дед, что это его дальние родственники, как и он евреи, неделю назад не знавшие ни о моём, ни о мамином существовании, так заботливо и ласково отнесутся ко мне и сделают всё так, будто я их собственный внук.



Позже, повзрослев, приезжая в столицу, я всегда останавливался у них или на даче, или в городской комнате, коммунальной квартиры недалеко от студии документальных фильмов, в Лиховом переулке дом восемь. И всегда ко мне относились как к близкому родственнику. Мы сдружились семьями, пока они были живы, и я до сих пор не забываю той первой недели знакомства, когда простое человеческое участие разбудило непонятное тогда, не осознанное чувство. Что это, не знаю. Но именно это "что-то" пробудило ото сна мою душу, познавшую стыд за проступки, почувствовал себя человеком, личностью.

СИЗО № 1 г.Свердловск

февраль 1984г.